

Как оно бывает: только спать соберёшься, постель расправишь — а у соседей за стенкой утро наступило. Мне эта круговерть даже нравилась сначала. Валяешься под одеялом и слушаешь внимательно, что у соседей происходит. У меня и спальное место подходящее — возле самой батареи. Через неё и слышно хорошо, и уши греются. Батарея центрального отопления, видно, была специально так придумана, чтобы из своей квартиры на соседскую настраиваться.

Мама моего интереса к соседям не разделяла, а поэтому часто стучала по батарее, сигнализируя: «Ти-ше, ти-ше!» Тише не становилось, тем более моим уже горячим ушам. Казалось, от этого её стука одно ухо совсем слышать переставало, зато другое в антенну превращалось. Просто класс!

И вот, когда мама уснула, я с ушами наконец-то разобрался и стал внимательно слушать. Тут-то всё и началось! Лежу и не шевелюсь, как в разведке. Почти не дышу для надёжности. А в той квартире — как на празднике. Похоже, что соседский Генка с котом Васькой, будто метеоры, по дому носятся и через стулья прыгают. «Вот,— думаю,— кому-то везёт! Одни дома на всю ночь. Мама с папой у них в ночную смену ушли. Может, они врачами на скорой помощи работают? Или полицейскими?.. А бабушка, наверно, на курорт уехала, чтобы осенней слякоти не видеть».

И не успел я на соседское счастье нарадоваться, как: «Бах-звяк-тук-так!» — и тишина наступила, совсем сигнал пропал! Если бы я стены раздвигать мог или хотя бы проникать сквозь них, как невидимка,— ясное дело, мигом бы на помощь пришёл. А так валяйся на кровати и думай. До больной головы! Сначала я решил, что в соседское окно привидение заскочило и слопало Генку с котом. От такого представления я под одеяло залез, весь, с головой. А когда вспотел под ним до самых пяток, решил, что привидение — вряд ли. Поэтому я весь раскутался, чтобы остудиться, и вдруг — снова сигнал. Я ещё плотнее к батарее прилип, чтобы узнать, что там приключилось. Если не привидение — может, страшный паук? Ночью всякое бывает. Генкин голос за стенкой очень сильно изменился, когда он кота стал отчитывать:

— Ты зачем прыгнул через мамину вазу?

А кот, видно, молчал или мурлыкал, подлизываясь. Я-то этого видеть не мог, а только представить...

Генка не отступался:

— Ты разбил, а на меня подумают. А ваза — она старинная, значит, дорогая, её маме двоюродная племянница прапрабабушки подарила. Придётся склеивать!

Поэтому мне спать совсем перехотелось, напрочь. Вот сижу и думаю: «Пока их родители ночью людей лечили или преступников ловили, эти обадуи вазу разбили. Хорошо ещё, догадались клеем склеить, а то бы вазы не видать как своих ушей. Кошмар какой-то!»

Тут они, похоже, принялись за дело, потому что сигнал опять исчез. Шутка ли — до утра вазу целиком склеить. А я сначала по кровати елозил, а потом отвернулся от батареи и уснул. И вот проспал самое интересное. Ничего не узнал...

Вы думаете, я утомился? Не вспоминал про соседа, которого Генкой зовут? И про кота Ваську, и про вазу прапрабабушки?.. Я бы, конечно, успокоился, если бы ваза склеилась, а Генке с Васькой попало всего только за бардак в квартире с опрокинутыми стульями. А тут приходилось жить в полном неведении. Ну разве это справедливо? И после уроков, ближе к вечеру, решил я позвонить в шумную квартиру соседнего подъезда. Вроде и не совсем уж соседи, а каждую ночь их слышно.

Вот звонюсь, наверное, с полчаса, даже двери ближних квартир захлопали, из любопытства, наверное. Я и кулаком по звонку ударил, чтобы погромче. И — ух ты! — дверь-то и открылась. Только вот беда, за ней — сонная тётенька, видно, Генкина мама, и спрашивает:

— К Гене?

— Ага, — ответил я. — Здравствуйте!

— К сожалению, он теперь неделю гулять не пойдёт...

Я сразу понял, что склеить не удалось! Поэтому я решил рассказать, как дело было, а там пусть сонная тётя сама решает, кто прав, кто виноват. В конце концов, коту Ваське колбасы не дадут, и всего делов-то. И рассказал я по порядку. Она, конечно, молча выслушала, но, потом, посмотрев сквозь меня, сказала:

— А подслушивать — неприлично!

В общем, после я ни разу на Генкину квартиру не настраивался и сигнал не принимал через батарею. Стыдно было! Я даже от ночного шума специальное устройство смастерил, из старой папиной шапки. Уши греет, а не слышно! И спать удобно, и проблемы чужие не беспокоят.

Только однажды я всё-таки проснулся ночью — от плача. Тогда я свою маму побежал будить и кричать, что Генка опять один и с ним что-то приключилось, потому что раньше он никогда не плакал. И вину всегда на себя брал, даже кошачью. Вообще-то он отважный!

И мама не стала со мной спорить, а просто оделась и пошла в соседний подъезд. И Генку, вместе с котом, к нам привела, потому что у них в квартире авария случилась. Прорвало трубу, а родители опять на работе.

— Ну вот! — сказала мама. — Наконец-то познакомитесь.

И пока мои мама с папой спасали соседскую квартиру от наводнения, мы с Генкой подружились. И даже придумали свою батарейную азбуку, вроде морзянки, только тише. Я, конечно, уверен, что можно изо всех сил барабанить по батарее кулаками, если вдруг привидение напало или наводнение случилось. Но Генке об этом говорить не стал. Чтобы он не подумал, что я не такой храбрый, как он!..